УДК 81-33

DOI: 10.6060/BHISUCT2020_191

Емельянов А.А., Иткулов С.З.

Емельянов Алексей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ивановская ГСХА», заведующий кафедрой иностранных языков.
E-mail: marveille777@yandex.ru

Иткулов Сергей Зуфарович — кандидат культурологии, ФГБОУ ВО «Ивановская ГСХА», доцент кафедры общеобразовательных дисциплин.
E-mail: italian.sergey79@mail.ru

**АНГЛИЙСКИЙ РИФМОВАННЫЙ СЛЕНГ КАК ОСОБОЕ
ЯВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НОНСЕНСА**

В статье дается анализ высказываний на английском рифмованном сленге как оригинального явления лингвистического нонсенса, поскольку культура нонсенса представляет собой интересное и малоизученное явление. Высказана точка зрения о том, что речения на английском рифмованном сленге являются собой не только один из способов языкового кодирования, предназначенный для общения «посвященных», но и особую разновидность семисентенции — высказывании, которое само по себе сформулировано верно, но субъекту в данном случае приписывается предикат, который ему не подходит. Рассмотрена специфика семисентенций в английском рифмованном сленге: цель подобной «рифмовки» — передать информацию, предназначенную только для «посвященных», в результате чего получается своего рода языковая игра, которая для непосвященных полностью лишается смысла. Однако любая бессмыслица в определенном контексте может иметь смысл. Вследствие этого высказано мнение о том, что английский рифмованный сленг представляет собой особый вид языковой игры, которая, в свою очередь, является особым способом моделирования фреймов, где автор выходит из привычного фрейма и создает такой, который позволяет насыщать данные субъекты необходимыми предикатами. Делается вывод, что языковая игра в английском рифмованном сленге связана с возможностью моделирования новых фреймов, а также переходами из фрейма в фрейм и выстраиванием межфреймовых связей. Данная игра требует включения в нее слушателя, слушатель становится участником и в какой-то степени соавтором данной игры, так как мышление слушателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым».

Ключевые слова: нонсенс, смысл, рифмованный сленг, фрейм, семисентенция, субъект, предикат.

Emelyanov A.A., Itkulov S.Z.

Emelyanov A.A. — Candidate of Philology, Associate Professor, Ivanovo State Agricultural Academy, Head of the Department of Foreign Languages. E-mail: marveille777@yandex.ru

Itkulov S.Z. — Candidate of Cultural Studies, Ivanovo State Agricultural Academy, Associate Professor, Departments of General Education Disciplines. E-mail: italian.sergey79@mail.ru

ENGLISH RHYMING SLANG AS A SPECIAL PHENOMENON OF LINGUISTIC NONSENSE

The article analyzes the statements in the English rhyming slang as an original phenomenon of linguistic nonsense, since the culture of nonsense is an interesting and little-studied phenomenon. The point of view is expressed that statements in the English rhyming slang are not only one of the ways of language coding intended for communication of "initiates", but also a special kind of semi-sentence statement that is formulated correctly in itself, but the subject in this case is attributed to a predicate that does not suit it. The specific features of semi-sentences in the English rhyming slang: the purpose of this "rhyme" is to convey information intended only for the initiated, resulting in a kind of language game, which for the uninitiated is completely upside down. However, any nonsense in a certain context can make sense. As a result, it is suggested that the English rhyming slang is a special kind of language game, which, in turn, is a special way of modeling frames, where the author goes out of the usual frame and creates one that allows saturating these subjects with the necessary predicates. It is concluded that the language game in the English rhyming slang is associated with the possibility of modeling new frames, as well as transitions from frame to frame and building inter-frame connections. This game requires inclusion of a listener, the listener becomes stakeholder and in some extent co-author this game, so as thinking listener goes beyond familiar meanings and becomes "out-sense."

Key notions: nonsense, sense, rhyming slang, frame, semi-sentence, subject, predicate.

Английский рифмованный сленг как уникальный феномен разговорной речи вызывает повышенный интерес исследователей, так как не имеет аналогов в литературном языке. В данной статье мы делаем попытку рассмотреть это явление как особое проявление лингвистического нонсенса.

Цель исследования — выявив специфику английского рифмованного сленга, рассмотреть английский РС как один из способов выражения лингвистического нонсенса. Для достижения цели необходимо решение следующих задач:

- рассмотреть особенности РС с точки зрения лингвистического нонсенса;
- проанализировать способы проявления РС как лингвокультурологической категории.

В работе мы используем компаративистский метод, построенный на использовании сравнения и нахождения аналогий между различными понятиями и явлениями. Рифмованный сленг (далее РС) — один из способов языкового кодирования, предназначенный для общения «посвященных» [3, с. 21]. По типу образования РС можно обозначить как особый вид сленга английского языка, где каждому исходному слову соответствует рифмующаяся с ним, но, обычно, далекая по значению фраза:

Stairs ~ *apples and pears*: Get up those *apples and pears* to bed! (букв.: «Поднимайся в кровать по этим яблокам и грушам!»)

Believe ~ *Adam and Eve*: Can you *Adam and Eve* it! (букв. «Ты можешь «адамовить» в это!»).

Рифмованный сленг — это стремление говорящих к определенному социальному обособлению звучащей речи с целью «ограждения» от участия нежелательных участников речевого акта [2, с. 11]. В то же время можно рассматривать рифмованный сленг как особое проявление языковой игры, а именно — игры на уровне синтаксиса.

Это выражается в следующем виде: предложение сформулировано правильно, но субъекту приписывается предикат, который ему не подходит. Е. Шкурская, рассматривая английское стихотворение «Hey, diddle, diddle!», считает это явление семантическим способом выражения: «выход в сферу невозможного происходит за счет очеловечивания животных и предметов: кошка играет на скрипке, корова прыгает, собака смеется, блюдо и ложка убегают, а также за счет нонсенса местопребывания (корова оказывается на луне)» [13, с. 17]. Но сущность семантического нонсенса состоит в том, что последний предполагает высказывание, само по себе осмысленное, но не имеющее смысла в данном контексте [1]. В предыдущих же случаях мы имеем дело с явными семисентенциями — высказываниями, которые сами по себе сформулированы верно, но субъекту в данном случае приписывается предикат, который ему не подходит [там же]. Проблема состоит в том, чтобы решить, чем именно не подходит субъекту данный предикат, поскольку слова, обозначающие эти понятия, выводятся из традиционного семантического ряда и попадают в непривычный контекст. В качестве примеров можно привести высказывания со следующими рифмами [4, с. 62]:

Knees ~ *Pyrenees*: I won't forgive him even if he gets down on his bended *Pyrenees*! (букв.: «Я не прощу его, даже если он встанет на *Пиренеи*»).

Phone ~ *Dog And Bone*: I was on the *dog and bone* when you knocked at the door. (букв.: «Я говорил по *собаке с костью*, когда ты постучал в дверь»)

Boozer ~ *Battle Cruiser*: He's bit of a *Battle Cruiser*! (букв.: «Он немного *линейный крейсер*!»).

Примечателен тот факт, что рифма в данных случаях не совпадает с подразумеваемым словом: выбор рифмованного субститута и степень рифмованности определяются самим участником коммуникации. Обычно цель подобной «рифмовки» — передать информацию, предназначенную только для «посвященных», в результате чего получается своего рода языковая игра, которая для непосвященных полностью лишается смысла [5, с. 71]. Однако стоит заметить, что любая бессмыслица в определенном контексте может иметь смысл. Например, согласно Б. Расселу, значимость предложений связана с определенными правилами синтаксиса, которые предназначены для того, чтобы предотвращать бессмыслицу [9, с. 187]. Однако вышеприведенные предложения не содержат никаких грамматических нарушений и состоят из слов, имеющих значение. И попытка создать синтаксические правила, автоматически предотвращающие бессмысленность высказывания, заранее обречена на провал, так как для нонсенса характерно нарушение взаимосвязи с объективной реальностью. В его рамках может создаваться собственная реальность, которая ориентируется на масштабы вероятного или реально возможного. Предметы и взаимосвязи, которые существуют в объективной реальности или надстраиваются на реальные события, отстраняются, создают фантастический мир [12, с. 25]. А. Байер указывает, что подобные высказывания «можно рассматривать или просто как очень специфические правила синтаксиса, или как онтологические истины. Еще труднее их сформулировать и установить вследствие того, что те же самые правила можно нарушить в фигуральных выражениях, и нонсенса не будет» [1]. Дело в том, что невозможность предметного существования вышеперечисленных объектов следует из априорной несовместимости субъектов и приписанных им предикатов. Однако насколько верна данная несовместимость и вытекает ли она из онтологической природы субъектов — это серьезный вопрос. Например, С. Поцелуев замечает: «Допустим, что априорно логика делает невозможным существование круглых квадратов в предметном мире. Но о какой априорной логике здесь идет речь? О логике классической (евклидовой) геометрии, отнесённой Кантом к синтетическим суждениям 'a priori'? Но понятие логического вряд ли может ограничиваться только этим видом логики. Ведь евклидова геометрия, основанная на своих аксиомах, не может признать

в качестве осмысленной постулаты неевклидовой геометрии» [11]. Проблема, которая встает при создании подобной языковой игры — разница между *бессмысленностью* и *беспредметностью*. С. Поцелуев отмечает, что такое словосочетание, как «российская нация» тоже является беспредметным, но бытие ее возможно и даже целесообразно с определенной точки зрения [там же]. Таким образом, если говорящий делает умозаключение о невозможности *бытия* каких-либо предметов, то это происходит вследствие отсутствия критериев, которые позволяют считать наличие данного явления естественным [8, с. 5].

Мы видим, что данная языковая игра представляет собой особый способ моделирования фреймов, где автор выходит из привычного фрейма и создает такой, который позволяет насыщать данные субъекты необходимыми предикатами. Впрочем, как замечает Е. Сапогова, возможно и построение фрейма, в котором субъекты будут находиться вне собственных смыслов. В качестве примера ученый приводит игру с детьми, где детям ставится задача создать новый фрейм и описать в нем новые свойства знакомых вещей (например, про чайник дети говорили, что это могут быть фрукты с железного дерева) [10, с. 43–44]. Заметим, что данный вид моделирования фреймов предполагает и включение в него читателя; читатель становится участником и в какой-то степени соавтором данной игры, так как мышление читателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет порождать новые миры и открывать новые смыслы. В качестве примера можно привести отрывок из «Песни Белого Рыцаря» Л. Кэрролла:

He said “I look for butterflies
That sleep among the wheat:
I make them into mutton-pies,
And sell them in the street”.

Сказал он: «Бабочек ловлю
В пшенице у ручья
И пудинг с мясом мастерю
Из них обычно я.
(перевод мой — С.И.).

По справедливому замечанию Е. Сапоговой, для создания подобного нонсенса необходим выход из привычного фрейма (в данном случае — при котором нельзя приготовить мясной пудинг из бабочек) и создание такого, в котором присутствуют условия, создающие эту возможность [10, с. 10]. Далее читатель строит новый фрейм, как правило, вокруг одного, отдельно взятого признака объекта или ситуации, изменяя его и используя в качестве системообразующего для выстраивания новой целостности (фрейма) [там же].

Таким образом, авторы статьи пришли к выводу, что создание рифмованного сленга связано не только с языковой игрой, но и с возможностью моделирования новых фреймов, а также переходами из фрейма в фрейм и выстраиванием межфреймовых связей. Как справедливо указывает В. Соковнина, «с помощью внедрения словообразовательных, лексических, текстовых языковых шуток в текст автор раскрывает свое мироощущение, представленное в наиболее доступной для понимания форме — форме игры» [11, с. 74]. Данная игра требует включения в нее слушателя, который становится участником и в какой-то степени соавтором данной игры, так как мышление слушателя выходит за пределы привычных смыслов и становится «внесмысловым», что позволяет порождать новые миры и открывать новые смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байер А.К. Нонсенс [Электронный ресурс] / А.К. Байер // <http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm> (дата обращения: 15.12.2019)
2. Емельянов А.А. Рифмованный и рифмующийся сленг в современной лингвистике // Известия высших учебных заведений. Сер. «Гуманитарные науки». 2016. Т. 7. № 1. С. 10–16.
3. Емельянов А.А. Характерные особенности социальных разновидностей рифмованного сленга // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Научный журнал. Выпуск 6. Иваново: ФГБОУ ВПО «ИГХТУ», 2014. С. 21–24.
4. Емельянов А.А. Рифмованный сленг интеллигенции Великобритании // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. Иваново: «Ивановский государственный университет». № 1. 2015. С. 61–65.
5. Емельянов А.А. Особенности образования и функционирования английского рифмующегося сленга // Верхневолжский филологический вестник: «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2015. № 2. С. 70–74.
6. Иткулов С.З. Парадокс и нонсенс: опыт сопоставительного анализа / С.З. Иткулов // Аграрный вестник Верхневолжья. 2018. № 4. С. 135–139.
7. Иткулов С.З. Нонсенс, абсурд, парадокс как лингвокультурологические категории / С.З. Иткулов // Аграрный вестник Верхневолжья. 2019. № 3. С. 123–127.
8. Поцелуев С. Бессмыслица в аспекте семантики [Электронный ресурс] / С. Поцелуев // http://ecsocman.hse.ru/data/795/198/1208/Potseluev_Bessmyslitsa.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
9. Рассел Б. Исследование значения и истины / Б. Рассел. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 400 с.
10. Сапогова Е.Е. Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении / Е.Е. Сапогова // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 36–44.
11. Соковнина В.В. Языковая игра в современной литературе нонсенса (на примере рассказа Дж. Леннона) / В.В. Соковнина // Новые подходы к изучению семантики. Екатеринбург, 2012. С. 69–74.
12. Стрельцова Н.Д. Парадокс и нонсенс: типология и причины появления // Синергия. 2017. № 1. С. 18–27.
13. Шкурская Е.А. Лингвистическое сопоставление нонсенса и абсурда / Е.А. Шкурская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 61. Вып. 7. С. 15–18.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bajer A.K. Nonsens [Elektronnyj resurs] / A.K. Bajer // <http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm> (data obrashcheniya: 15.12.2019)
2. Emel'yanov A.A. Rifmovannyj i rifmuyushchijsya sleng v sovremennoj lingvistike // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ser. «Gumanitarnye nauki». 2016. T. 7. № 1. S. 10–16.
3. Emel'yanov A.A. Harakternye osobennosti social'nyh raznovidnostej rifmovannogo slenga // Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGHTU. Nauchnyj zhurnal. Vypusk 6. Ivanovo: FGBOU VPO «IGHTU», 2014. S. 21–24.
4. Emel'yanov A.A. Rifmovannyj sleng intelligencii Velikobritanii // Intelligenciya i mir. Rossijskij mezhdisciplinarnyj zhurnal social'no-gumanitarnyh nauk. Ivanovo: «Ivanovskij gosudarstvennyj universitet». № 1. 2015. S. 61–65.
5. Emel'yanov A.A. Osobennosti obrazovaniya i funkcionirovaniya anglijskogo rifmuyushchegosya slenga // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: «YAGPU im. K.D. Ushinskogo», 2015. № 2. S. 70–74.
6. Itkulov S.Z. Paradoks i nonsens: opyt sopostavitel'nogo analiza / S.Z. Itkulov // Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya. 2018. № 4. S. 135–139.
7. Itkulov S.Z. Nonsens, absurd, paradoks kak lingvokul'turologicheskie kategorii / S.Z. Itkulov // Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya. 2019. № 3. S. 123–127.

8. Pospelov S. Bessmyslica v aspekte semantiki [Elektronnyj resurs] / S. Pospelov // http://ecsocman.hse.ru/data/795/198/1208/Pospelov_Bessmyslitsa.pdf (data obrashcheniya: 15.12.2019).
9. Rassel B. Issledovanie znacheniya i istiny /B. Rassel.- M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi , 1999. 400 s.
10. Sapogova E.E. Vniz po krolich'ej nore: metafora i nonsens v detskom voobrazhenii / E.E. Sapogova //Voprosy psihologii. 1996. № 2. S. 36–44.
11. Sokovnina V.V. Yazykovaya igra v sovremennoj literature nonsensa (na primer rasskaza Dzh. Lennona) / V.V. Sokovnina // Novye podhody k izucheniyu semantiki. — Ekaterinburg, 2012.- S. 69–74.
12. Strel'cova N.D. Paradoks i nonsens: tipologiya i prichiny poyavleniya// Sinergiya. 2017. № 1. S. 18–27.
13. SHkurskaya E.A. Lingvisticheskoe sopostavlenie nonsensa i absurda / E.A. SHkurskaya // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. T. 61. Vyp. 7. S. 15–18.

Поступила в редакцию 28.02.2020 г.

Принята к публикации 11.03.2020 г.

Для цитирования:

Емельянов А.А., Иткулов С.З. Английский рифмованный сленг как особое явление лингвистического нонсенса // Вестник Гуманитарного института. 2020. № 1. С. 191–196. URL: <https://isuct-bhi.ru/sites/default/files/issue/2020/1/bhi-2020-1-191.pdf>